

Аркадий Арканов:

Вся страна сейчас отстраивается

Как единая корпорация

Арканов — писатель-сатирик. Это к нему прилипло. Представляю, как этот ярлык его бьет. Потому что настоящий читатель знает и настоящего Арканова — фантаста, философа, сказочника, печального и умного человека. Участника «Метрополя». Сочинителя жестоких антиутопий. Прочие его ипостаси — джазмен, покоритель сердец, футбольный и шахматный комментатор, неприменный участник «Белого попугая», даже поэт-песенник — заслоняют иногда эту, самую подлинную. Но именно эта была нам продемонстрирована в свежей «Свободе слова» от 18 июня, где Арканов был приглашен комментировать ситуацию вокруг Ярцева и Мостового, а также наш португальский футбольный провал в целом. Впрочем, мне захотелось поговорить с ним не об этой частности, а о корпоративной морали вообще. Как должен поступать человек в сообществе, в команде? До какой степени он винтик единого целого и где граница, за которой личность уже не имеет права молчать в тряпочку?

Ситуации Парфенова и Мостового похожи

— Аркадий Михайлович, как по-вашему — почти буквальное совпадение по времени двух главных июньских корпоративных скандалов случайно? Или мы вливаем в некую новую закономерность?

— Да неслучайно, конечно. Я думаю, что телеведущий Парфенов и футболист Мостовой — а их ситуации зеркально отражают друг друга, они фактически тождественны — это только начало и мы скоро станем свидетелями целой серии таких скандалов. Объясняется это тем, что появилось сравнительно новое понятие — корпоративная этика. Вся страна отстраивается сейчас как корпорация и будет жить по законам крупной фирмы, в которой, кстати, тоже не пахнет свободой. То есть если ты в команде, ты не имеешь права ни словом критиковать Главного Тренера. А чтобы уже абсолютно вывести себя из-под критики, Главный Тренер обязан постоянно инициировать ситуацию войны. Скажем, проводятся прямые аналогии между выступлением на чемпионате Европы — и военными действиями. Как будто мы там отстаиваем ни много ни мало независимость страны (были в прессе аналогии, что вот, мол, в матче с испанцами в День независимости России наши обязаны были продемонстрировать особые

— Команда — это когда слышно каждого ее члена

менно... А главное — в самом скором будущем станет уже невозможно состоять одновременно в двух корпорациях: обществе граждан данной страны и обществе порядочных людей. Я все отчетливее вижу, что корпорация, которая у нас выстраивается, — не моя.

Не делай того, чего не хочешь

— А как выглядит ваша?

— В нее входят люди, сходным образом понимающие свободу. Не знаю, может, кто-то еще пришел к таким же выводам, но формула — моя, я за это ручаюсь. Есть два уровня свободы. Первый

нат показал, по-моему, наглядно. И в вину Мостовому вменяют не то, что он рассуждал неправильно или оскорбил тренера незаслуженно. О Ярцеве в прессе и на телевидении наговорили таких слов, что интервью Мостового выглядит очень сдержанным. Но ведь его обвиняют в том, что он как бы во время военных действий высказался против командира! И тут я хочу сказать: стоп, стоп, ребята, это футбол. Это вам хочется, чтобы он выглядел, как война. Но спорт — это самое мирное дело. Не надо тут особенно громких слов про отстаивание чести, про бескомпромиссную борьбу до последнего... Хватит милитаристских аналогий. Этак вы любого, кто не болеет за наших, объявите предателем. Особенно же мне не нравится обстановка военной тайны, которая вокруг скандала с Мостовым сегодня создана. Почему его интервью можно получить только в Интернете? Почему он сначала дает согласие выступать в «Свободе слова», а потом отказывается? Где подробности его отношений с Ярцевым? Пока не узнаю подоплеку, я не смогу четко судить о ситуации. А подоплеку-то от нас скрывают — как, кстати, и в случае с Парфеновым. Хотя в этой ситуации тоже задействованы некие государственные интересы, но все это так темно, что непонятно — какие? Очевидно, наша новая корпоративность боится дневного света. Оппонента записывают в предатели, вот и все.

Страна и семья для меня одно и то же

— Но Аркадий Михайлович! Двадцать первый век обещает быть не особенно мирным. И тогда защищать корпорацию, в которой мы живем, придется все равно. Вне зависи-

мости от своего отношения к ней.

— Да, есть такой любимый аргумент солдат-альтернативщиков и просто отказников: не хочу воевать за такое государство, не разделяю его принципов, не готов гибнуть за такую страну... Здесь у меня деление очень простое: в справедливой войне обязан участвовать каждый. Определение справедливой войны у меня тоже есть. Это война, в которой тебе приходится защищаться. Я по природе своей не агрессор. Защищать я готов до последней, пафосно говоря, капли крови — и страну, и семью: это для меня одно и то же. Нападать я не намерен, и насчет обязательного участия всех граждан в несправедливой войне у меня серьезные сомнения. Я не обязан считать справедливым все, что делает Родина. Я не обязан участвовать в преступной войне, которую всячески маскируют разговорами о благородных целях и о сражении с мировым терроризмом...

— Вы Чечню имеете в виду?

— В том числе и Чечню. Я могу понять людей, не желающих участвовать в этом.

— Хорошо, и какой выход вы предлагаете гражданам Российской Корпорации в ближайшее время? Переезд в другую корпорацию?

— Да вовсе нет. Вообще, чтобы снять все эти муки совести — выбор между порядочностью и гражданственностью, — вполне достаточно сделать себе хорошую страну, гражданином которой быть не постыдно. Искать источник наших футбольных поражений в том, что кого-то неправильно кормили, а кого-то плохо тренировали — вообще смешно: если людям нравится играть за свою страну, это всегда видно. Нужно, чтобы за эту страну хотелось играть, чтобы ее хотелось защищать, чтобы за нее не было стыдно хотя бы...

В нашей власти изменить корпорацию

— Но Родину, как мы знаем, не выбирают...

— Конечно! Но это не значит, что ее получают в неизменном виде и такой обязаны сохранять. В нашей власти ее изменить, сделать человечнее — иначе мы всю жизнь так и будем должны защищать чужую страну и работать на чужого дядю. Защищать и любить можно только свое, а нам постоянно навязывают искусственное и бесперспективное мироощущение — что мы тут все время кому-то что-то должны...

Для меня несомненно, что мы опять вползли в спираль. То есть двинулись по уже пройденному кругу. Но особенность спирали в том, что она либо расширяется, либо сужается. Так вот, наша — сужается. По крайней мере на этом этапе. Мы проходим сегодня подобие тоталитаризма, подобие национализма, подобие навязанного единства — но все это в варианте суженном, скукоженном, почти карикатурном. Советский тоталитаризм имел известное эстетическое обаяние, был грозен, монументален — многие до сих пор его вспоминают с ностальгическими чувствами. Сегодняшний тоталитаризм — пародия в чистом виде. И вот, глядя на этот его вариант, наши соотечественники, думаю, гораздо быстрее поймут, что навязанная любовь к Отчеству — неэффективна по определению. Что любить и защищать можно только то, что твое по праву, а не то, что унижает и топчет тебя на каждом шагу.

— Хотелось бы разделять этот оптимизм...

— Это оптимизм сдержанный, поскольку у нас впереди еще как минимум несколько лет абсурда.

■ Дмитрий Быков.

Советский тоталитаризм имел известное эстетическое обаяние. Сегодняшний тоталитаризм — пародия в чистом виде.

бойцовские качества...).

В истории с Парфеновым тоже акцентировались национальные интересы России: вот, мол, он их затронул в материале о вдове Яндарбиева... Справедливости ради замечу, что такая ситуация сейчас не только в России — мой сын на НТВ рассказывает о том, что и в Штатах война используется для выстраивания той же корпоративной морали, когда любая критика начинается восприниматься как предательство. Эта логика очень опасная. Во-первых, потому, что когда корпорацией становится все государство, то вне его ты не существуешь. Как сказал Ярцев о Мостовом: «Этого человека для меня не существует». Тебя просто вычеркивают, и все. Пока не уничтожают, но это ведь вре-

— свобода в представлении раба: делать то, что хочешь. Второй гораздо труднее достигается, а многие так никогда и не дорастают до него. Это — не делать того, чего не хочешь.

— По-вашему, Мостовой дорос до этого второго уровня? Вслед за Парфеновым?

— С Парфеновым у меня сомнений нет. Что касается Мостового, тут более сложный случай: иногда за человека решает его опыт, его статус... В команде он у него, безусловно, таков, что Мостовой вынужден ощущать себя зрелым и ответственным человеком. Статус как бы решил за него. И он выступил с осуждением тех методов, которыми команду готовили к чемпионату. Плохи или хороши были эти методы — чемпио-

Арканов Аркадий

23.06.2004